

риале, направленных на оценку масштабов внутрииндивидуального и межиндивидуального варьирования признаков идиолекта на уровне лексического разнообразия и морфологии, проведенных с использованием коэффициента вариации. Нами также был проведен анализ, направленный на оценку влияния различных факторов, обуславливающих внутрииндивидуальную вариативность признаков идиолекта (тема, жанр, модус, время написания текста), который выявил, что смена модуса (устный – письменный) вызывает статистически значимые изменения в значениях наибольшего числа признаков идиолекта. Однако наш анализ, проведенный с использованием различных техник (дисперсионный, дискриминантный анализ, кластерный анализ и т. д.), выявил ряд признаков, на которых не оказывает влияние даже смена модуса. Такие признаки представляются особенно перспективными для последующего анализа.

Поскольку указанные исследования проводились нами на корпусе ограниченного объема, с небольшим числом текстов и авторов, наши предстоящие работы связаны преимущественно с формированием корпуса RusIdioStyle, специально направленного на исследование пределов внутрииндивидуальной вариативности квантифицируемых признаков идиолекта в зависимости от таких факторов, как жанр, тема, стиль, модус текста с учетом социолингвистической информации об авторах, а также на анализ межиндивидуальной вариативности. Корпусный подход к исследованию идиолектной вариативности, по нашему мнению, позволит как приблизиться к решению теоретических проблем, так и внести вклад в решение практических задач, и прежде всего задачи идентификации автора текста. Нами обосновывается необходимость исследования проблемы вариативности в идиолекте в рамках отдельного научного направления – **корпусной идиолектологии**.

А. В. Ломовая (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Личные имена представляют особый интерес для лингвистов в связи со своей многоплановостью. С одной стороны, как любое имя собственное, личное имя служит для идентификации (т. е. выделения объекта среди ряда однородных объектов). С другой стороны, частая повторяемость одних и тех же имен в тех или иных группах людей и социумах как будто бы сводит эффективность таких единиц к нулю. В то же время личные имена обладают значительной вариативностью: они могут выступать в полной форме, сокращенной, уменьшительно-ласкательной, заменяться или сочетаться с созвучной кличкой, становиться именем нарицательным и даже давать оскорбительную характеристику личности или национальности.

Личные имена, используемые современными носителями английского языка, также представлены множеством вариантов. Рассмотрим наиболее

типичные причины возникновения вариантов одного и того же личного имени, а также исторические и культурные факторы, влияющие на выбор того или иного варианта.

1. Ряд личных имен подвергся расщеплению на определенном этапе исторического развития либо параллельно заимствовался из различных языков. Так, имена *Jacob* ‘Джейкоб’ и *James* ‘Джеймс’ восходят к одному библейскому имени (*Иаков*), однако *James* представляет собой позднелатинское прочтение (*Iacomus*). В современном английском эти имена используются как разные: и для библейских персонажей (ср. *Jacob, son of Isaac and Rebecca* ‘Иаков, сын Исаака и Ревекки’ – *James, son of Zebedee* ‘Иаков Зеведеев’), и в быту.

2. Многие варианты личных имен (особенно библейского происхождения) появились в кельтских языках Британских островов (валлийском, шотландском и ирландском), а позже были приняты носителями английского языка в качестве самостоятельных имен. Например, библейское имя *Иоанн* приобрело в английском форму *John* ‘Джон’, в шотландском – *Ian* ‘Иан, Йен’, в валлийском – *Ifan, Evan* ‘Иван, Эван’, в ирландском – *Sean* ‘Шон’. Подобные варианты существуют и для имени *Иаков*: англ. *James* ‘Джеймс’ – шотл. *Hamish* ‘Хэмиш’ – вал. *Iago* ‘Яго’ – ирл. *Seamus* ‘Шеймас’. В наше время та или иная форма может заявлять о национальной идентичности носителя либо использоваться безотносительно этнической принадлежности.

3. Большое число имен кельтского происхождения (особенно ирландские) были англизированы во времена британского господства: ирл. *Caoimhín* (от др.-ирл. *Coemgen* ‘благородного происхождения’) – англ. *Kevin* ‘Кевин’, ирл. *Ciara* (от гаэльск. ‘темная’) – англ. *Keira* ‘Кира’, ирл. *Domhnall* (от протокельтск. ‘правитель мира’) – англ. *Donald* ‘Дональд’. В Великобритании и США используется только вторая форма, в то время как в Ирландии такие имена воспринимаются как переводные варианты для общения и письма на ирландском и английском языках соответственно в связи с официальным двуязычием. В ряде случаев ирландская форма имени может применяться для подчеркивания национально-культурной принадлежности, а также свидетельствовать о политических взглядах (например, указывать на приверженца идеи о единой республиканской Ирландии).

4. Некоторые имена представлены орфографическими вариантами. Так, имя *Шон* встречается в трех вариантах написания: *Sean* (оригинальное), *Shaun, Shawn* (последние два особенно распространены в США). В Северной Ирландии, в связи с особенностями ольстерского диалекта, то же имя произносится как *Шейн*, что дало три варианта написания: *Shane, Shaine, Shayne*.

5. Уменьшительные имена нередко выступают как самостоятельные (эта практика наиболее распространена в США, где отсутствуют законодательные ограничения на форму имени). Если уменьшительная форма происходит из иностранного языка, то носители английского языка могут даже не подозревать о ее родстве с привычными им именами. Например, в Великобритании и США со второй половины XX в. возрастает популярность имени *Саша* (в английском написании *Sasha, Sascha*), причем в первой из стран это

в основном мужское имя, а во второй – женское. Похожая ситуация сложилась и в отношении имени *Misha* (в английском написании *Misha*, *Mischa*). Носители этих имен, не имеющие славянских корней, чаще всего считают данные имена самостоятельными, а не производными от английских имен *Alexander* и *Michael* соответственно.

Таким образом, в современном английском языке варианты одного и того же личного имени в основном используются как самостоятельные имена, однако в ряде случаев предпочтение, отдаваемое определенному варианту, может заявлять об этнической и культурной принадлежности носителя, а также отражать его политические взгляды.

В. В. Лопатько (МГЛУ, Минск, Беларусь)

МОДИФИКАЦИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

Современная теория речевой деятельности определяет диалог как основную форму устного общения, в основе которой лежит личное взаимодействие людей с главной целью воздействия активного партнера на речевое поведение собеседника и побуждение его к реальному сотрудничеству. Телефонный разговор создает идеальные возможности такого рода общения, поскольку его личностно-ориентированная устная форма предоставляет партнерам одинаковые права в актуализации речевых взаимоотношений и готовность каждого из них к плавной смене ролевого участия. Телефонный разговор (ТР) трактуется в языкознании как особо структурированная устно-речевая разновидность диалогической речи, реализованной в дистантной форме общения, при которой собеседники объединены временем и расстоянием с полным отсутствием зрительного контакта, исключающего возможности использования дополнительных средств информации – ситуативной обстановки, предметного окружения, внешнего вида коммуникантов, их жестов и мимики. В связи с этим значительно повышается роль контакто-устанавливающих факторов с возрастанием значимости и потенциала языковой и особенно просодической организации речи, которая выполняет в разговоре более 40 % подачи информации. Существует мнение, что ваш голос предстает визитной карточкой вашего имиджа, создаваемого партнером во время ТР и первостепенным средством выполнения фатической функции речи.

Спонтанный характер ТР, протекающего без опоры на письменный текст и речевого контроля, в полной мере свойственен реципиенту беседы, зачастую не ожидающего телефонного звонка, в то время как речь инициатора ТР определяется исследователями квазиспонтанной, поскольку он планирует как время цель и программу общения, так и его вербальный репертуар. Однако не вызывает сомнений спонтанность и неподготовленность фонетической стороны ТР, порождаемого и озвученного в процессе говорения, которые ведут к большой звуковой и интонационной вариативности речи.

Хотя существующие правила ведения ТР нацеливают партнеров на четкую, качественную и корректную артикуляцию звуков, особенно при